

Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма

Гулевич О.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Косимова С.С.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Цель. Анализ связи надежной национальной идентификации и национального нарциссизма с политической поляризацией (различием в оценке людей с разными политическими взглядами).

Контекст и актуальность. Предыдущие исследования показали, что люди с сильной надежной национальной идентификацией больше поддерживают своих сограждан, чем люди со слабой. В то же время люди с сильным национальным нарциссизмом более негативно относятся к согражданам, которые, по их мнению, представляют угрозу для страны, чем люди со слабым. Это позволяет предположить, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с политической поляризацией.

Дизайн исследования. Участники кросс-секционного исследования заполняли методики для измерения надежной национальной идентификации, национального нарциссизма и политической поляризации. Для оценки взаимосвязей был использован линейный регрессионный анализ.

Участники. Респонденты рекрутировались на онлайн-платформах Yandex Toloka (выборка 1) и Анкетолог (выборка 2). Выборка включала 693 человека, которые указали, что они являются гражданами России ($N_1 = 473$, $N_2 = 220$). Первый замер был проведен в 2023, а второй — в 2024 году.

Методы (инструменты). Для измерения политической поляризации были использованы авторские методики. Критерием политической поляризации служило мнение людей о положении дел в стране. Участники определяли, насколько согражданам, считающим, что дела в стране идут в правильном vs. неправильном направлении, свойственны определенные черты; выражали эмоциональное отношение к ним; оценивали свою готовность общаться и сотрудничать с ними при решении общих проблем, а также допустимость ограничения их прав и возможностей. Для измерения национальной идентичности были использованы модифицированные шкалы для измерения социальной идентификации и коллективного нарциссизма.

Результаты. Исследование показало, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм связаны с более позитивным отношением к людям, которые одобряют направление движения страны, чем к людям, которые не одобряют его. Однако надежная национальная идентификация была сильнее, чем национальный нарциссизм, связана с позитивным

отношением к согражданам, одобряющим статус-кво. Национальный нарциссизм был сильнее, чем надежная национальная идентификация, связан с негативным отношением к людям, которые не одобряют статус-кво. При этом различие между двумя формами национальной идентичности было сильнее выражено в отношении к «неодобряющим», чем к «одобряющим», а также на уровне поведения, чем на уровне эмоций.

Основные выводы. Российская идентичность увеличивает политическую поляризацию между людьми, которые поддерживают и не поддерживают то, что происходит в стране. Однако надежная национальная идентификация объединяет россиян за счет доброжелательного отношения к согражданам, одобряющим положение дел в стране. В то же время национальный нарциссизм разобщает россиян за счет отвержения людей, не одобряющих статус-кво.

Ключевые слова: национальная идентичность; надежная национальная идентификация; национальный нарциссизм; политическая поляризация.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

Для цитаты: Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>

The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism

Olga A. Gulevich

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru*

Sabina S. Kosimova

*National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru*

Objective. To analyse the relationship between secure national identification and national narcissism with political polarization (intergroup differentiation between people with different political views).

Background. Previous research has shown that individuals with a strong secure national identification are more supportive of their fellow citizens than those with a weaker national identity. At the same time, individuals with high levels of national narcissism exhibit more negative attitudes toward co-citizens whom they perceive as threats to the country, compared to those with lower levels of national narcissism. This suggests that secure national identification and national narcissism are associated differently with political polarization.

Study design. Respondents completed questionnaires to measure secure national identification, national narcissism, and political polarization. The presence and nature of the relationships were verified through linear regression analysis.

Participants. In the study, 693 Russian citizens participated ($N_1 = 473$, $N_2 = 220$). Respondents participated in an online survey conducted in Yandex Toloka platform (sample 1) and Anketolog (sample 2). The study involved two measurements: the first was conducted in 2023, and the second in 2024.

Measurements. To measure political polarization, proprietary methodology was used. The criterion for political polarization was whether participants believed the country was moving in the right

or wrong direction. Participants appraised the extent to which fellow citizens with these views exhibit certain traits; expressed emotions towards them; evaluated their willingness to interact and collaborate on common issues and considered the acceptability of restricting their rights and opportunities. To assess national identity, modified social identity and collective narcissism scales were used.

Results. The current study showed that secure national identification and national narcissism are associated with more positive attitudes towards people who approve of the country's direction, compared to those who do not. However, secure national identification is more strongly associated with positive attitudes towards fellow citizens who support status-quo compared to national narcissism. Conversely, national narcissism was more strongly related to negative attitudes towards those who oppose the status quo than secure national identification.

Conclusions. Russian identity increases polarization between individuals who support vs. those who do not support the current state of affairs in the country. However, secure national identification fosters unity among Russians by encouraging a positive attitude toward citizens who support the country's current state of affairs. Conversely, national narcissism creates division by rejecting those who are critical of the status quo.

Keywords: national identity; secure national identification; national narcissism; political polarization.

Funding. HSE University Basic Research Program, 2024.

For citation: Gulevich O.A., Kosimova S.S. The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409> (In Russ.).

Введение

Серьезной проблемой, с которой рано или поздно сталкиваются все страны, являются межгрупповые конфликты. В основе таких конфликтов лежит социальная категоризация — классификация человеком себя и окружающих по групповому признаку [44]. Разделение людей на «своих» (ингруппу) и «чужих» (аутгруппу) порождает межгрупповую дифференциацию — различное отношение к ингруппе и аутгруппе. Классический вариант этого феномена включает ингрупповой фаворитизм (предпочтение ингруппы) и аутгрупповую дискриминацию (отвержение аутгруппы).

Один из критериев социальной категоризации — это политические взгляды. На протяжении последних десяти лет исследователи активно изучают факторы, последствия и способы умень-

шения политической поляризации, то есть межгрупповой дифференциации между людьми с разными политическими взглядами. Цель данного исследования — проанализировать связь разных форм национальной идентичности с политической поляризацией в российском контексте.

Политическая поляризация как форма межгрупповой дифференциации. Межгрупповая дифференциация проявляется по-разному. Люди приписывают членам ингруппы более позитивные характеристики, чем членам аутгруппы, легче воспринимают информацию, говорящую в пользу ингруппы, и интерпретируют действия членов ингруппы в более позитивном ключе (*когнитивный компонент*). Кроме того, они испытывают по отношению к членам ингруппы более позитивные эмоции, чем к членам аутгруппы (*эмоциональный ком-*

понент), а также чаще кооперируются и помогают, но реже конкурируют и вредят членам своего, чем другого сообщества (*поведенческий компонент*).

Один из вариантов межгрупповой дифференциации получил название политической поляризации¹. Исследователи выделяют две формы политической поляризации: позиционную и аффективную. Под позиционной политической поляризацией понимается смещение людей к более крайним позициям на политическом спектре. Например, некоторые исследования, проведенные в Европе и Северной Америке, показали, что со временем люди, которые считали себя либералами, стали позиционировать себя как более либеральных, а люди, считающие себя консерваторами, — как более консервативных [5; 29].

Под аффективной политической поляризацией понимается различие в оценке политических сторонников и политических оппонентов, то есть межгрупповая дифференциация по политическим взглядам. «Аффективная» в данном случае означает не «эмоциональная», а «не-позиционная», поэтому аффективная поляризация измеряется не только через эмоции, но также через приписывание черт или готовность к общению. Далее мы будем использовать термин «политическая поляризация», имея в виду межгрупповую дифференциацию по политическим взглядам. Исследования позволили выявить разные формы политической поляризации.

Во-первых, люди чаще обращают внимание, дают более позитивную оценку и чаще распространяют сообщения, которые соответствуют их политиче-

ским взглядам или исходят от политических единомышленников, чем сообщения, обладающие противоположными особенностями [15; 17; 33; 38–42; 51]. Кроме того, они чаще приписывают политическим единомышленникам свои собственные [13] или более позитивные характеристики [31], чем политическим оппонентам; дают более социально желательные объяснения действиям интрагруппового политика по сравнению с аутигрупповым [25; 37] и больше оправдывают его действия [12; 49].

Во-вторых, люди испытывают более позитивные/менее негативные эмоции к политическим единомышленникам, чем к политическим оппонентам [29; 30], а также больше сочувствуют интрагрупповому политику, чем аутигрупповому [44]. В-третьих, они больше общаются, больше сотрудничают и больше помогают политическим единомышленникам, чем политическим оппонентам по вопросам, имеющим отношения к политике: в личной жизни, при выполнении сложного задания, получении стипендии или приеме на работу [29]. Кроме того, они больше готовы поддержать «своего» кандидата на выборах и вступить в конфронтацию с политическими оппонентами [8; 50].

Поскольку большинство исследований политической поляризации было проведено в США и нескольких европейских странах, под политической поляризацией в них понималось различие в отношении к людям, которые считали себя сторонниками либеральных vs. консервативных взглядов и/или поддерживали соответствующую партию. Это происходило, поскольку в этих странах термины «либеральный» и «консерва-

¹ Термины «межгрупповая дифференциация» и «политическая поляризация» возникли и до сих пор используются в разных дисциплинах: первый термин чаще используют психологи, а второй — специалисты в области политической науки. Это объясняет содержательные пересечения между этими терминами.

тивный» обозначают представления об устройстве общества, которые одинаково понимаются разными людьми и представлены в программах конкурирующих партий (см. [1; 2]).

Однако существуют политические контексты, в которых людям трудно разделить окружающих по взглядам на устройство общества или голосованию за определенную партию. Например, это происходит в странах, где политические партии не имеют устойчивой, хорошо известной избирателям программы и не являются активными участниками повседневной жизни. В этом случае люди могут использовать для политической поляризации другие критерии, например, «за действующую власть» vs «против действующей власти».

Социальная идентичность как фактор политической поляризации.

Социальная идентичность — это восприятие человеком себя как члена социальной группы. Люди могут идентифицироваться с группами по разным основаниям [16]. В большинстве исследований политической поляризации рассматривается политическая идентичность — восприятие человеком себя как носителя определенных политических взглядов и/или сторонника определенной политической партии. Они показали, что политическая идентификация предсказывает отношение к политическим единомышленникам и оппонентам.

Чем сильнее люди идентифицировались со сторонниками каких-либо политических взглядов или политической партией, тем чаще они приписывали свои

черты и ценности политическим единомышленникам, а противоположные особенности — политическим оппонентам [13], тем больше они поддерживали сторонников своей политической партии [8], тем больше были готовы голосовать за ее кандидата на выборах [50]. Кроме того, тем более негативные эмоции к политическим оппонентам они выражали, тем большую угрозу от них ощущали и тем больше были готовы вступать с ними в конфронтацию [8].

Однако, на наш взгляд, фактором политической поляризации могут стать другие формы идентичности, в том числе национальная (гражданская) идентичность² — восприятие человеком себя как жителя/гражданина какой-либо страны. Некоторые исследователи проводят различие между конструктивными и неконструктивными формами национальной идентичности. В основе конструктивных форм лежит хорошее отношение к своей стране, а в основе неконструктивных форм — абсолютная поддержка своей страны и вера в ее превосходство над другими государствами.

Одна из самых распространенных классификаций включает надежную национальную идентификацию (*secure national identification*, конструктивная форма) и национальный нарциссизм (*national narcissism*, неконструктивная форма). Человек с надежной национальной идентификацией испытывает удовлетворение от того, что является гражданином страны, и ощущает психологическую связь с другими гражданами. Человек с национальным нарциссизмом

² В исследованиях, которые публикуются в международных психологических журналах, восприятие человеком себя как жителя или гражданина какой-либо страны обычно называется национальной идентичностью/идентификацией (*national identity/identification*). Однако в русском языке слово «национальность» нередко используется как синоним «этнической принадлежности». Поэтому в русскоязычных работах чаще используется термин «гражданская идентичность/идентификация».

ожидает, что другие государства признают величие его страны, и испытывает негативные эмоции, когда не получает ожидаемого [10; 14; 19; 22].

Проведенные исследования показали, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с реакциями людей на происходящее в стране. Чем выше у человека уровень надежной национальной идентификации, тем лучше он относится к политической и экономической системе своей страны [35; 47], тем больше готов совершать действия, улучшающие положение сограждан [43; 46], и тем меньше поддерживает враждебные действия против них [7]. (По другим данным надежная идентификация не связана с поддержкой таких действий [23].)

В то же время чем выше у человека уровень национального нарциссизма, тем негативнее он относится к согражданам, которые, по его мнению, угрожают имиджу государства, тем более жесткие действия по отношению к ним одобряет [7; 23]; тем больше он поддерживает политику, направленную на сохранение имиджа своей страны, независимо от потенциальной опасности, которую эта политика может представлять для отдельных граждан (например, использование отечественных, но непроверенных вакцин) [26].

Кроме того, надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с реакциями на потенциально «враждебные» этнические, религиозные и национальные аутгруппы. Надежная национальная идентификация вызывает более позитивные эмоции, меньшую социальную дистанцию и более доброжелательное поведение по отношению к этническим меньшинствам, мигрантам и жителям других стран. Национальный нарциссизм порождает более негативные эмоции, большую социаль-

ную дистанцию и более враждебные действия в отношении этих аутгрупп [11; 18; 20; 21; 24; 27; 36; 48].

Однако некоторые исследования показали, что национальный нарциссизм сильнее связан с отношением к государственной политике, чем надежная национальная идентификация. Например, только национальный нарциссизм увеличивает поддержку дискриминации мигрантов [6] и «жесткой» политики в отношении «враждебных» стран [9], включая бойкоты иностранных товаров и военные вторжения [19]. Кроме того, только национальный нарциссизм уменьшает поддержку международного сотрудничества [26] и прощение других государств за обиды, нанесенные в прошлом [19; 28].

Текущее исследование. Предыдущие исследования показали, что надежная национальная идентификация связана с позитивным отношением к согражданам, а национальный нарциссизм — с негативным отношением к людям, которые «угрожают» стране. Однако исследователи уделяли большее внимание отношению к «угрожающим», чем к «безопасным» акторам. Кроме того, во многих случаях они рассматривали либо надежную национальную идентификацию, либо национальный нарциссизм. Наконец, они редко изучали отношение к политическим оппонентам. Эти ограничения были учтены в нашем исследовании.

Основная сложность заключалась в поиске критерия для политической поляризации. В публичном дискурсе современной России отсутствует дискуссия о возможных путях развития страны. Кроме того, в программах и действиях российских политических партий трудно найти элементы, отражающие различия между ними. Основными критериями классификации политических взглядов явля-

ются «поддержка власти vs. оппозиции» и «одобрение vs. неодобрение положения дел в стране». В данном исследовании мы использовали второй критерий.

Формулируя **гипотезы**, мы исходили из того, что как надежная национальная идентификация, так и национальный нарциссизм отражают позитивное отношение к своей стране. Поэтому мы предположили, что надежная национальная идентификация (гипотеза 1а) и национальный нарциссизм (гипотеза 1б) будут позитивно связаны с предпочтением людей, которые одобряют статус-кво, по сравнению с людьми, которые не одобряют статус-кво (политическая поляризация). Однако эти связи будут строиться на разных основаниях.

Согласно предыдущим исследованиям, надежная национальная идентификация связана с позитивным отношением к любым согражданам, а национальный нарциссизм связан с негативным отношением к тем, кто критикует страну. Поэтому мы предположили, что надежная национальная идентификация будет сильнее, чем национальный нарциссизм, связана с позитивным отношением к людям, одобряющим статус-кво (гипотеза 2а). Национальный нарциссизм будет сильнее, чем надежная национальная идентификация, связан с негативным отношением к людям, которые не одобряют статус-кво (гипотеза 2б).

Для проверки этих гипотез мы провели два замера — в июле 2023 и мае 2024 годов. В обоих замерах мы измеряли надежную национальную идентификацию и национальный нарциссизм, а также отношение к людям, которые одобряют и не одобряют статус-кво. В первом замере мы просили респондентов оценить свое эмоциональное отношение к представителям этих групп, готовность объединяться с ними для решения общих

проблем и отношение к законодательным ограничениям их действий. Во втором замере мы добавили приписывание черт и социальную дистанцию с ними.

Метод

Выборка исследования. В исследовании приняли участие российские респонденты. В первом замере респонденты рекрутировались через онлайн-платформу Yandex Toloka, а во втором — через онлайн-платформу Анкетолог. В первом замере приняли участие 473 человека; 232 человека назвали себя мужчинами, а 241 человек — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 83 лет ($M = 39,00$, $SD = 13,02$). Во втором замере приняли участие 220 человек; 113 человек назвали себя мужчинами, а 107 — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 82 лет ($M = 38,64$, $SD = 13,94$).

В первом замере зарегистрированные пользователи получали онлайн-ссылку на опросник, размещенный на внешнем сервисе 1ka.si; во втором замере — на платформе Анкетолог. В обоих случаях мы не собирали личные данные (например, ФИО, адрес и т.д.). Перед заполнением методики участники давали информированное согласие на участие в исследовании. В конце респонденты, которые заполнили весь опросник и правильно ответили на вопросы для проверки внимания (например, «Выберите ответ “совершенно согласен”»), получали небольшое вознаграждение.

Методики исследования. Опросник включал методики для измерения надежной национальной идентификации, национального нарциссизма, собственной политической позиции, политической поляризации и социально-демографических особенностей.

Надежная национальная идентификация. Мы использовали четыре утверждения. Мы использовали четыре утверждения

дения из опросника для измерения социальной идентификации [32; 34]: «Для меня важно, что я россиянин (россиянка)», «Я горжусь тем, что являюсь россиянином (россиянкой)», «Тот факт, что я россиянин (россиянка) — это важная часть моего представления о себе», «Я счастлив от того, что я россиянин (россиянка)». Для ответа использовалась 7-балльная (первый замер) или 5-балльная (второй замер) шкала от 1 — «совершенно не согласен(а)» до 7/5 — «совершенно согласен(а)» ($\alpha_{\text{ити1}} = 0,97$, $\alpha_{\text{ити2}} = 0,93$).

Национальный нарциссизм. Мы использовали русскоязычную версию шкалы коллективного нарциссизма [4]. Она включала восемь утверждений (без одного — обратного — пункта, который, согласно нашим предыдущим исследованиям, ухудшал показатели модели). Для ответа использовалась 7-балльная (первый замер) или 5-балльная (второй замер) шкала от 1 — «совершенно не согласен(а)» до 7/5 — «совершенно согласен(а)» ($\alpha_{\text{ит1}} = 0,93$, $\alpha_{\text{ит2}} = 0,91$).

Собственная политическая позиция. Респонденты видели биполярную шкалу, на полюсах которой находилось два утверждения: «Дела в России идут в неправильном направлении» и «Дела в России идут в правильном направлении». Участники первого замера должны были оценить, с каким утверждением они согласны больше, а с каким — меньше. В первом замере для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «совершенно согласен с первым утверждением» до 7 — «совершенно согласен со вторым утверждением», где 4 обозначала «не уверен(а)»; во втором замере — 6-балльная шкала без нейтрального варианта ответа.

В обоих случаях этот параметр использовался не для проверки гипотез, а для описания выборки. Оказалось, что в первой выборке 48% участников одо-

брали направление, в котором движется Россия; 22% были не уверены в ответе; 30% не одобряли направление движения страны. Во второй выборке 71% участников поддерживали, а 29% не поддерживали направление движения. Различие в результатах, скорее всего, было связано с респондентами, зарегистрированными на разных платформах, и с отсутствием нейтрального ответа во втором замере. Однако в обоих случаях для большей части выборки люди, которые одобряли статус-кво, были ингруппой, а те, кто не одобрял, — аутгруппой.

Политическая поляризация. Респонденты оценивали свое отношение к «людям, которые считают, что дела в России идут в правильном направлении» (одобряют статус-кво) и «людям, которые считают, что дела в России идут в неправильном направлении» (не одобряют статус-кво). Сначала участники выражали отношение к «поддерживающим», а потом — к «не поддерживающим». Вопросы позволяли измерить когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты политической поляризации.

Для измерения когнитивного компонента использовались пять биполярных шкал: «умный vs. неумный», «открытый к новым идеям vs. ограниченный», «добрый vs. злой», «честный vs. нечестный», «бескорыстный vs. эгоистичный». Респонденты оценивали, насколько эти характеристики свойственны людям, одобряющим и не одобряющим статус-кво, по 5-балльной шкале. В одних шкалах слева находился позитивный полюс, а в других — негативный. При обработке оценки «разворачивались» таким образом, что больший балл отражал более позитивные особенности ($\alpha_{\text{одобряющие2}} = 0,87$, $\alpha_{\text{неодобряющие2}} = 0,88$).

Для измерения аффективного компонента респонденты отвечали на вопросы:

«Как бы вы оценили свое отношение к людям, которые считают, что дела в России идут в правильном направлении?» и «Как бы вы оценили свое отношение к людям, которые считают, что дела в России идут в неправильном направлении?». Для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «отношение очень холодное, отрицательное» до 7 — «отношение очень теплое, положительное».

Для измерения *поведенческого компонента* использовались три методики. Во-первых, респонденты оценивали социальную дистанцию с людьми, которые одобряют и не одобряют статус-кво: «Представьте, что перед вами человек, который считает, что страна идет в правильном/неправильном направлении. Пожалуйста, оцените, как бы вы чувствовали себя при общении с ним, если бы он был... членом вашей семьи; вашим другом; вашим коллегой; вашим соседом» (четыре пункта). Для ответа использовалась 5-балльная шкала от 1 — «очень некомфортно» до 5 — «очень комфортно»; больший балл свидетельствовал о меньшей социальной дистанции ($\alpha_{\text{одобряющие}2} = 0,92$, $\alpha_{\text{неодобряющие}2} = 0,93$).

Во-вторых, участники отмечали степень, в которой они готовы обсуждать и совместно решать проблемы, возникающие в их собственной жизни и в жизни России, с людьми, которые одобряют и не одобряют статус-кво (четыре пункта). Респонденты оценивали свою готовность по 7-балльной (первый замер) или 5-балльной (второй замер) шкале от 1 — «совершенно не готов(а)» до 7/5 — «полностью готов(а)» ($\alpha_{\text{одобряющие}1-2} = 0,95-0,87$, $\alpha_{\text{неодобряющие}1-2} = 0,94-0,90$).

В-третьих, респонденты выражали отношение к ограничениям, направлен-

ным против людей, которые одобряют и не одобряют статус-кво. Они отмечали допустимость трех запретов (баллотироваться на выборах³, заниматься преподавательской деятельностью и работать в органах государственной власти) и двух наказаний (штрафовать за публичное выражение мнения и приговаривать к тюремному заключению за публичное выражение мнения). Респонденты оценивали степень допустимости по 7-балльной (первый замер) или 5-балльной (второй замер) шкале от 1 — «совершенно недопустимо» до 7/5 — «совершенно допустимо» ($\alpha_{\text{одобряющие}1-2} = 0,92-0,89$, $\alpha_{\text{неодобряющие}1-2} = 0,90-0,94$).

Для проверки гипотез использовались показатели отношения к людям, которые одобряли и не одобряли статус-кво (гипотеза 2), а также общие индексы поляризации по разным основаниям (гипотеза 1). Для вычисления общих индексов по каждой из пяти методик была рассчитана разность ответов, данных респондентом при оценке людей, которые одобряют существующий статус-кво, и людей, которые его не одобряют.

Социально-демографические особенности измерялись с помощью четырех вопросов. Мы просили респондентов указать свой пол (1 — мужчины, 2 — женщины); возраст (количество лет); образование от 1 (начальное) до 6 (первый замер)/5 (второй замер) (высшее); доход от 1 (не хватает денег даже на еду) до 6 (первый замер)/5 (второй замер) (можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи).

Результаты

Первичные результаты представлены в репозитории [3]. Обработка про-

³ Этот пункт использовался только во втором замере.

дилась в статистическом пакете Jamovi. В ходе анализа принимались во внимание коэффициенты, значимые на уровне $p \leq 0,01$. Описательная статистика и корреляции для первой и второй выборки представлены в репозитории в табл. 1 и 2 [3]. Результаты показали, что в обоих замерах выраженность обеих форм национальной идентичности превышала среднее значение по шкале ($t_{ни1-2} = 22,21^{***} - 20,43^{***}$, $t_{ни1-2} = 9,65^{***} - 11,00^{***}$). Однако надежная национальная идентификация была выражена сильнее, чем национальный нарциссизм ($t_{1-2} = 11,51^{***} - 17,24^{***}$).

Кроме того, в обеих выборках четыре показателя отношения к согражданам, которые одобряли статус-кво, были выше среднего по шкале ($t_{черты2} = 8,17^{***}$, $t_{эмоции1-2} = 5,71^{***} - 5,80^{***}$, $t_{дистанция2} = 11,75^{***}$, $t_{кооперация1-2} = 6,20^{***} - 7,18^{***}$), а один показатель — ниже среднего ($t_{ограничения1-2} = -30,96^{***} - -15,58^{***}$). В то же время отношение к согражданам, которые не одобряли статус-кво, зависело от выборки. В первой выборке один показатель превышал среднее значение по шкале ($t_{кооперация1} = 1,69^{***}$), а один показатель уступал ему ($t_{ограничения} = -55,77^{***}$). Во второй выборке все показатели были ниже среднего по шкале ($t_{черты2} = -2,70^{**}$, $t_{эмоции2} = -4,40^{***}$, $t_{дистанция2} = -2,88^{**}$, $t_{кооперация} = -3,21^{**}$, $t_{ограничения} = -22,90^{***}$).

Таким образом, в обеих выборках отношение к людям, которые одобряли статус-кво, было лучше, чем отношение к тем, кто его не одобрял ($t_{черты2} = 6,17^{***}$, $t_{эмоции1-2} = 1,65^{**} - 5,94^{***}$, $t_{кооперация1-2} = 1,65^{***} - 7,01^{***}$, $t_{соиддистанция2} = 8,94^{***}$, $t_{ограничения1-2} = -7,17^{***} - -4,09^{***}$). Причем во второй выборке это различие было больше, чем в первой. На наш взгляд, это можно объяснить наличием во второй выборке большего количества сторонников статус-кво по

сравнению с первой. Однако в обеих выборках респонденты, скорее, не одобряли запреты и наказания как для сторонников статус-кво, так и для его противников.

Для проверки гипотез был использован **линейный регрессионный анализ**. Полные данные регрессионного анализа представлены в репозитории [3]. Предикторами были надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм; контрольными переменными — социально-демографические особенности; зависимыми переменными — отношение к людям, которые одобряют и не одобряют статус-кво, а также политическая поляризация (разница в отношении к этим группам).

Результаты показали, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм были связаны с более сильной политической поляризацией. Они предсказывали атрибуцию более позитивных черт ($\beta_{ни} = 0,272^{***}$, $\beta_{ни} = 0,327^{***}$), более позитивное эмоциональное отношение ($\beta_{ни1-2} = 0,411^{***} - 0,279^{***}$, $\beta_{ни1-2} = 0,376^{***} - 0,336^{***}$), а также большую готовность к общению ($\beta_{ни} = 0,257^{***}$, $\beta_{ни} = 0,201^{**}$) и кооперации с людьми, которые одобряют статус-кво, чем с людьми, которые его не одобряют ($\beta_{ни1-2} = 0,336^{***} - 0,228^{***}$, $\beta_{ни1-2} = 0,402^{***} - 0,410^{***}$). Кроме того, обе формы предсказывали более негативное отношение к ограничениям, направленным против «одобряющих» по сравнению с «неодобряющими» ($\beta_{ни1-2} = -0,183^{***} - -0,247^{***}$, $\beta_{ни1-2} = -0,259^{***} - -0,250^{**}$). Эти результаты подтвердили гипотезы 1а и 1б.

Однако разные формы национальной идентичности были по-разному связаны с отношением к людям, которые одобряли и не одобряли статус-кво. Надежная национальная идентификация была сильнее связана с позитивным отношением к «одобряющим», чем национальный нарциссизм. Это различие ярко

проявлялось в социальной дистанции ($\beta_{\text{ни}} = -0,474^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = -0,164$) и отношении к ограничениям ($\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,157^{**} - -0,321^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,167 - 0,119$); меньше — в атрибуции черт ($\beta_{\text{ни}} = 0,315^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = 0,239^{**}$). Однако мы не обнаружили различий в эмоциональном отношении ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,393^{***} - 0,315^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,262^{***} - 0,239^{***}$) и готовности к кооперации ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,400^{***} - 0,286^{***}$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,227^{***} - 0,276^{***}$).

В то же время национальный нарциссизм был сильнее связан с негативным отношением к людям, которые не одобряли статус-кво, чем надежная национальная идентификация. Это различие проявлялось по всем показателям: сильнее по атрибуции черт ($\beta_{\text{ни}} = -0,167$, $\beta_{\text{ни}} = -0,338^{***}$), эмоциональному отношению ($\beta_{\text{ни}} = -0,212$, $\beta_{\text{ни}} = -0,362^{***}$), готовности к кооперации ($\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,068 - -0,061$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = -0,345^{***} - -0,312^{***}$) и отношению к ограничениям ($\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,072 - 0,064$, $\beta_{\text{ни } 1-2} = 0,437^{***} - 0,438^{***}$); меньше — по социальной дистанции ($\beta_{\text{ни}} = 0,201^{**}$, $\beta_{\text{ни}} = 0,393^{**}$). Исключение составляло только эмоциональное отношение к «неодобряющим» в первом замере ($\beta_{\text{ни}} = -0,328^{***}$, $\beta_{\text{ни}} = -0,407^{***}$). В целом эти результаты частично подтвердили гипотезы 2а и 2б.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы проанализировали связь между национальной идентичностью и политической поляризацией. Мы предположили, что обе формы национальной идентичности будут связаны с более позитивным отношением к согражданам, одобряющим текущее положение дел, чем к неодобряющим. Однако надежная национальная идентификация будет сильнее связана с позитивным отношением к «одобряющим», а

национальный нарциссизм — с негативным отношением к «неодобряющим». Результаты исследования подтвердили наши предположения.

Во-первых, обе формы национальной идентичности были позитивно связаны с разным отношением к согражданам с разными политическими взглядами. Люди с сильной надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом приписывали «одобряющим статус-кво» более позитивные черты, выражали более позитивные эмоции к ним, были больше готовы взаимодействовать с ними и считали менее допустимым ограничивать их права. Таким образом, обе формы национальной идентичности вызывали классическую межгрупповую дифференциацию.

Во-вторых, надежная национальная идентификация была сильнее связана с отношением к согражданам, которые одобряли статус-кво. В частности, люди с высокими показателями по этому параметру приписывали «одобряющим» более позитивные черты, ощущали больший комфорт в общении с ними и меньше поддерживали направленные против них ограничения, чем люди с низкими показателями. В то же время связь национального нарциссизма с отношением к «одобряющим» по этим параметрам была либо статистически незначимой, либо статистически значимой, но более слабой.

Эти результаты соответствуют данным предыдущих исследований, показавшим, что надежная национальная идентификация предсказывает позитивное отношение к согражданам и готовность действовать на их благо. Например, люди с высокими показателями по этому параметру чаще соблюдали меры предосторожности, которые уменьшали вероятность заражения окружающих серьезным

заболеванием [46]. Кроме того, они чаще участвовали в нормативных (мирных) политических акциях для того, чтобы улучшить положение жителей страны, но реже участвовали в ненормативных [43].

В-третьих, национальный нарциссизм был сильнее связан с отношением к согражданам, которые не одобряли статус-кво. Люди с высокими показателями по этому параметру приписывали «неодобряющим» менее позитивные черты, испытывали к ним более негативные эмоции, ощущали меньший комфорт в общении, были меньше готовы к кооперации с ними и больше поддерживали направленные против них ограничения, чем люди с низкими показателями. Связь надежной национальной идентификации с отношением к «неодобряющим» была либо статистически незначимой, либо статистически значимой, но более слабой.

Эти результаты также соответствуют данным предыдущих исследований, которые показали, что в международных отношениях национальный нарциссизм лучше предсказывал отношение к «угрожающим» людям и группам, чем к «неугрожающим» [20]. Кроме того, он предсказывал пассивное и активное сопротивление аутгруппам, которые воспринимались как угроза для страны [19; 26]. Наше исследование продемонстрировало, что этот эффект возникает не только в отношениях между странами, но и в отношениях между людьми с разными взглядами на положение дел в стране.

В-четвертых, различие между двумя формами национальной идентичности было выражено в отношении к тем, кто критикует статус-кво (по всем параметрам), чем к тем, кто его одобряет (по трем из пяти параметров). Эти результаты также соответствуют данным предыдущих исследований, которые показали, что надежная национальная идентифи-

кация не связана с отношением к согражданам, которые угрожают имиджу государства [23]. Возможно, таким образом люди с высокой национальной идентификацией пытаются найти баланс между поддержкой сторонников и объединением граждан страны в целом.

В-пятых, разница между надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом ярче проявлялась на уровне поведения (особенно в социальной дистанции и ограничениях), чем на уровне эмоций. Возможно, это связано с социальными нормами, которые одобряют дружелюбное и мирное взаимодействие с согражданами, но сильнее регламентируют действия, чем мысли и эмоции. Таким образом, наши результаты говорят о том, что люди с высокой надежной идентификацией чаще соблюдают эти нормы, чем люди с высоким национальным нарциссизмом.

Выводы

В этом исследовании мы провели комплексный анализ связи между разными формами национальной идентичности и отношением к людям с разными политическими взглядами. В частности, мы измеряли отношение к людям, которые одобряли («отсутствие угрозы») и не одобряли («наличие угрозы») статус-кво. Кроме того, мы анализировали различия между воздействием надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. И наконец, мы рассмотрели пять разных показателей отношения к людям с разными политическими взглядами.

Исследование позволило сделать несколько выводов:

1. Российская идентичность увеличивает политическую поляризацию между людьми, которые поддерживают и не поддерживают то, что происходит в стране.

2. Надежная национальная идентификация объединяет россиян за счет доброжелательного отношения к согражданам, одобряющим положение дел в стране.

3. Национальный нарциссизм разобщает россиян за счет отвержения людей, не одобряющих статус-кво, то есть угрожающих позитивному представлению в стране.

4. Различие между двумя формами национальной идентичности сильнее выражено в отношении к тем, кто критикует статус-кво, чем к тем, кто его одобряет.

5. Разница между надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом ярче проявляется на уровне поведения, чем на уровне эмоций.

Однако наше исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, мы рассматривали только общий параметр политической поляризации — отношение к положению дел в стране, то есть к действиям представителей власти вообще. Однако мы не учитывали поляризацию на основании отношения к отдельным проблемам (например, законам, регламентирующим поведение в сексуальной и семейной сфере, участии страны в военных действиях и т.д.).

Во-вторых, в обоих исследованиях большинство респондентов выражали относительно высокий уровень надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. Кроме того, большинство респондентов, особенно во втором замере, полагали, что «дела в стране идут в правильном направлении». С одной стороны, неравномерное распределение соответствует данным социологических опросов. С другой стороны, это могло отразиться на результатах.

В-третьих, наше исследование было кросс-секционным. С одной стороны, это соответствует имплицитному представлению о надежной национальной

идентификации и национальном нарциссизме как относительно стабильных переменных, которые не варьируются в эксперименте. С другой стороны, наши выводы о воздействии разных форм национальной идентичности во многом основаны на теоретическом представлении о взаимосвязи между переменными.

Таким образом, в будущих исследованиях можно, во-первых, рассмотреть роль разных форм национальной идентичности в политической поляризации по разным основаниям. В качестве таких оснований может рассматриваться отношение к инициативам представителей власти или уже принятым законам, которые затрагивают интересы большого количества жителей страны. Это позволит оценить универсальность обнаруженной нами закономерности.

Во-вторых, помимо надежной национальной идентификации и национального нарциссизма существуют другие конструктивные (конструктивный патриотизм, национальная привязанность) и неконструктивные (слепой патриотизм, национальное прославление, национализм) формы национальной идентичности. Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл проанализировать, сохраняется ли обнаруженный нами эффект после контроля других форм отношения к своей стране.

В-третьих, мы не рассматривали вопрос о механизмах разного воздействия надежной национальной идентичности и национального нарциссизма. Из предыдущих исследований известно, что люди с высокими показателями по этому параметру более чувствительны к угрозам. Однако можно предположить, что существуют и другие механизмы, например, восприятие социальных норм или отношение к ним. Подобные механизмы можно рассмотреть в будущих исследованиях.

Литература/References

1. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть I. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 18–24. DOI:10.31857/S020595920011076-9
Gulevich O. Psikhologicheskii analiz politicheskikh oriyentatsiy. Chast I. Opredeleniye metody izmereniya i problemy izucheniya [Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2020. Vol. 41, no. 5, pp. 18–24. DOI:10.31857/S020595920011076-9 (In Russ.).
2. Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть 2: Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 46–55. DOI:10.31857/S020595920012575-8
Gulevich O. Psikhologicheskii analiz politicheskikh oriyentatsiy. Chast II. Prediktory i posledstviya politicheskikh vzglyadov [Psychological analysis of political orientations. Part II. The Predictors and Consequences of Political Views]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2021. Vol. 42, no. 1, pp. 46–55. DOI:10.31857/S020595920012575-8 (In Russ.).
3. Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма [Датасет]. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. DOI:10.48612/MSUPE/1f94-pe99-vv3v
Gulevich O.A., Kosimova S.S. Svyaz' rossijskoj identichnosti i politicheskoy polarizatsii: rol' nadezhnoy nacional'noj identifikatsii i nacional'nogo narcissizma [The relationship between Russian identity and political polarization: The role of secure national identification and national narcissism] [Dataset]. RusPsyData: Psychological Research Data & Tools Repository. DOI:10.48612/MSUPE/1f94-pe99-vv3v
4. Романова М.О., Иванов А.А., Богатырева Н.И., Терскова М.А., Быков А.О., Анкушев В.В. Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 201–220. DOI:10.17759/sps.2022130312
Romanova M.O., Ivanov A.A., Bogatyreva N.I., Terskova M.A., Bykov A.O., Ankushev V.V. Adaptatsiya shkaly kollektivnogo nartsissizma na rossiyskoy vyborke [Adaptation of the scale of collective narcissism in the Russian sample]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 201–220. DOI:10.17759/sps.2022130312 (In Russ.).
5. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? *The Journal of Politics*, 2008. Vol. 70, no. 2, pp. 542–555. DOI:10.1017/S0022381608080493
6. Bertin P., Marinthe G., Biddlestone M., Delouvée S. Investigating the identification-prejudice link through the lens of national narcissism: The role of defensive group beliefs. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 98, Article 104252. DOI:10.1016/j.jesp.2021.104252
7. Biddlestone M., Cichocka A., Główczewski M., Cislak A. Their own worst enemy? Collective narcissists are willing to conspire against their in group. *British Journal of Psychology*, 2022. Vol. 113, no. 4, pp. 894–916. DOI:10.1111/bjopp.12569
8. Brown J.K., Hohman Z.P. Extreme party animals: Effects of political identification and ideological extremity. *Journal of Applied Social Psychology*, 2022. Vol. 52, pp. 351–362. DOI:10.1111/jasp.12863
9. Cai H., Gries P. National narcissism: Internal dimensions and international correlates. *PsyCh Journal*, 2013. Vol. 2, no. 2, pp. 122–132. DOI:10.1002/pchj.26
10. Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism. *European Review of Social Psychology*, 2016. Vol. 27, no. 1, pp. 283–317. DOI:10.1080/10463283.2016.1252530
11. Cichocka A., Golec de Zavala A., Marchlewska M., Bilewicz M., Jaworska M., Olechowski M. Personal control decreases narcissistic but increases non-narcissistic in-group positivity. *Journal of Personality*, 2018. Vol. 86, no. 3, pp. 465–480. DOI:10.1111/jopy.12328

12. De Keersmaecker J., Roets A. Is there an ideological asymmetry in the moral approval of spreading misinformation by politicians? *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 143, pp. 165–169. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.003
13. Denning K.R., Hodges S.D. When polarization triggers out-group “counter-projection” across the political divide. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2022. Vol. 48, no. 4, pp. 638–656.
14. Eker I., Cichocka A., Cislak A. Collective narcissism: How being narcissistic about your groups shapes politics, group processes, and intergroup relations. *The Cambridge Handbook of Political Psychology* / Ed. by D. Osborne, C. Sibley. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, pp. 214–227. DOI:10.1017/9781108779104.015
15. Ekstrom P.D., Lai C.K. The selective communication of political information. *Social Psychological and Personality Science*, 2021. Vol. 12, no. 5, pp. 789–800. DOI:10.1177/1948550620942365
16. Ellemers N., Haslam S.A. Social Identity Theory. *Handbook of theories of social psychology* / Ed. by P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. Sage Publications Ltd., 2012. Vol. 2, pp. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n46
17. Frimer J.A., Skitka L.J., Motyl M. Liberals and conservatives are similarly motivated to avoid exposure to one another’s opinions. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2017. Vol. 72, pp. 1–12. DOI:10.1016/j.jesp.2017.04.003
18. Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. The paradox of in-group love: Differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes. *Journal of Personality*, 2013. Vol. 81, no. 1, pp. 16–28. DOI:10.1111/j.1467-6494.2012.00779.x
19. Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97, no. 6, pp. 1074–1096. DOI:10.1037/a0016904
20. Golec de Zavala A., Cichocka A., Iskra-Golec I. Collective narcissism moderates the effect of in-group image threat on intergroup hostility. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2013. Vol. 104, no. 6, pp. 1019–1039. DOI:10.1037/a0032215
21. Golec de Zavala A.G., Federico C.M., Sedikides C., Guerra R., Lantos D., Mroziński B., Cypria ska M., Baran T. Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020. Vol. 119, no. 3, pp. 741–764. DOI:10.1037/pspp0000260
22. Golec de Zavala A., Lantos D. Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 2020. Vol. 29, no. 3, pp. 273–278. DOI:10.1177/0963721420917703
23. Golec de Zavala A., Peker M., Guerra R., Baran T. Collective narcissism predicts hypersensitivity to in-group insult and direct and indirect retaliatory intergroup hostility. *European Journal of Personality*, 2016. Vol. 30, no. 6, pp. 532–551. DOI:10.1002/per.2067
24. Górska P., Stefaniak A., Marchlewska M., Matera J., Kocyba P., ukianow M., Malinowska K., Lipowska K. Refugees unwelcome: Narcissistic and secure national commitment differentially predict collective action against immigrants and refugees. *International Journal of Intercultural Relations*, 2022. Vol. 86, pp. 258–271. DOI:10.1016/j.ijintrel.2021.11.009
25. Goya-Tocchetto D., Kay A.C., Vuletic H., Vonasch A., Payne K. The partisan trade-off bias: When political polarization meets policy trade-offs. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 98, Article 104231. DOI:10.1016/j.jesp.2021.104231
26. Gronfeldt B., Cislak A., Sternisko A., Eker I., Cichocka A. A small price to pay: National narcissism predicts readiness to sacrifice in-group members to defend the in-group’s image. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2023. Vol. 49, no. 4, pp. 612–626. DOI:10.1177/01461672221074790
27. Guerra R., Bierwaczek K., Ferreira M., Golec de Zavala A., Abakoumkin G., Wildschut T., Sedikides C. An intergroup approach to collective narcissism: Intergroup threats and hostility

- in four European Union countries. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2022. Vol. 25, no. 2, pp. 415–433. DOI:10.1177/1368430220972178
28. Hamer K., Penczek M., Bilewicz M. Between universalistic and defensive forms of group attachment: The indirect effects of national identification on intergroup forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 2018. Vol. 131, pp. 15–20. DOI:10.1016/j.paid.2018.03.052
29. Iyengar S. Fear and loathing in American politics. A review of affective polarisation. The Cambridge Handbook of Political Psychology / ed. by D. Osborne, C. Sibley. Cambridge: Cambridge University Press, 2022, pp. 399–413. DOI:10.1017/9781108779104.028
30. Iyengar S., Krupenkin M. The strengthening of partisan affect. *Political Psychology*, 2018. Vol. 39, pp. 201–218. DOI:10.1111/pops.12487
31. Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology. A social identity perspective on polarization. *Public Opinion Quarterly*, 2012. Vol. 76, no. 3, pp. 405–431. DOI:10.1093/poq/nfs038
32. Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, no. 1, pp. 144–165. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.144
33. Lee T.K., Kim Y., Coe K. When social media become hostile media: An experimental examination of news sharing, partisanship, and follower count. *Mass Communication and Society*, 2018. Vol. 21, pp. 450–472. DOI:10.1080/15205436.2018.1429635
34. Lovakov A.V., Agadullina E.R., Osin E.N. A hierarchical (Multicomponent) model of in-group identification: Examining in Russian samples. *The Spanish Journal of Psychology*, 2015. Vol. 18, Article E32. DOI:10.1017/sjp.2015.37
35. Luca C., Kevin O.C., Chiara B. Do superordinate identification and temporal/social comparisons independently predict citizens' system trust? Evidence From a 40-Nation Survey. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.745168
36. Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavalá A., Bilewicz M. Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty. *The British Journal of Social Psychology*, 2020. Vol. 59, no. 4, pp. 857–875. DOI:10.1111/bjso.12367
37. Morais C., Abrams D., de Moura G.R. Ethics versus success? The acceptance of unethical leadership in the 2016 us presidential elections. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.03089
38. Mukerjee S., Yang T. Choosing to avoid? A conjoint experimental study to understand selective exposure and avoidance on social media. *Political Communication*, 2021. Vol. 38, no. 3, pp. 222–240. DOI:10.1080/10584609.2020.1763531
39. Munro G.D., Zirpoli J., Schuman A., Taulbee J. Third-party labels bias evaluations of political platforms and candidates. *Basic and Applied Social Psychology*, 2013. Vol. 3, no. 3, pp. 151–163. DOI:10.1080/01973533.2013.764299
40. Schmuck D., Tribastone M., Matthes J., Marquart F., Bergel E.M. Avoiding the other side? An eye-tracking study of selective exposure and selective avoidance effects in response to political advertising. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 2020. Vol. 32, no. 3, pp. 158–164. DOI:10.1027/1864-1105/a000265
41. Schott M., Wolf J. Election poster persuasion: Attitude formation in the void. *Social Psychology*, 2018. Vol. 49, pp. 3–15. DOI:10.1027/1864-9335/a000323
42. Seibt B., Schubert T.W., Zickfeld J.H., Fiske A.P. Touching the base: Heart-warming ads from the 2016 U.S. election moved viewers to partisan tears. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, no. 2, pp. 197–212. DOI:10.1080/02699931.2018.1441128
43. Stathi S., Vezzali L., Waldzus S., Hantzi A. The mobilizing and protective role of national identification in normative and non normative collective action. *Journal of Applied Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 9, pp. 596–608. DOI:10.1111/jasp.12619

44. Stevens S.M., Jago C.P., Jasko K., Heyman G.D. Trustworthiness and ideological similarity (but not ideology) promote empathy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2021. Vol. 47, no. 10, pp. 1452–1465. DOI:10.1177/0146167220972245
45. Turner J.C., Reynolds K.J. Self-categorization theory. Handbook of theories of social psychology. / ed. by P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. Sage Publications Ltd., 2012. Vol. 2, pp. 399–417. DOI:10.4135/9781446249222.n46
46. Van Bavel J.J., Cichocka A., Capraro V. et al. National identity predicts public health support during a global pandemic. *Nature Communication*, 2022. Vol. 13, no. 1, Article 517. DOI:10.1038/s41467-021-27668-9
47. Vargas-Salfate S., Paez D., Liu J.H., Pratto F., Gil de Z iga H. A comparison of social dominance theory and system justification: The role of social status in 19 nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2018. Vol. 44, no. 7, pp. 1060–1076. DOI:10.1177/0146167218757455
48. Verkuyten M., Kollar R., Gale J., Yogeewaran K. Right-wing political orientation, national identification and the acceptance of immigrants and minorities. *Personality and Individual Differences*, 2022. Vol. 184, Article 111217. DOI:10.1016/j.paid.2021.111217
49. Walter A.S., Redlawsk D.P. Voters' partisan responses to politicians' immoral behavior. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 1075–1097. DOI:10.1111/pops.12582
50. Wan C., Tam K.-P., Chiu C.-Y. Inter-subjective cultural representations predicting behaviour: The case of political culture and voting. *Asian Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 13, no. 4, pp. 260–273. DOI:10.1111/j.1467-839X.2010.01318.x
51. Zell E., Stockus C.A., Bernstein M.J. It's their fault: Partisan attribution bias and its association with voting intentions. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2022. Vol. 25, no. 4, pp. 1139–1156. DOI:10.1177/1368430221990084

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Косимова Сабина Санжаровна, стажер-исследователь лаборатории политико-психологических исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences, Professor, Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Sabina S. Kosimova, Research Assistant, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0175-4834>, e-mail: skosimova@hse.ru

Получена 10.08.2024

Принята в печать 14.12.2024

Received 10.08.2024

Accepted 14.12.2024